
A person wearing a backpack and a hat is walking away from the camera on a vast, golden sand dune. The dune's surface is marked with intricate, wavy patterns of sand. The sky is a clear, bright blue.

Триллер

A circular icon with a black border and a white background, containing the text "16+" in black.

16+

Р Е Й Д

A close-up, high-angle shot of the sand dune's surface, showing the rhythmic, wavy patterns of the sand. The lighting creates deep shadows and bright highlights, emphasizing the texture of the sand.

БОРИС
КОНОФАЛЬСКИЙ

Рейд

Борис Конофальский

Рейд

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Конофальский Б.

Рейд / Б. Конофальский — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Рейд)

Новый мир предъявляет людям новые требования. Требования эти настолько суровы, что только самые лучшие, самые выносливые и самые приспособленные могут выжить в этих условиях. Иногда лучшим из лучших приходится идти в рейд. И каждый раз никто не знает, кто из него вернется.

© Конофальский Б., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Борис Конофальский

Рейд

Глава 1

Контролёр-координатор номер 0041 Пограничного Участка 611, или же просто КК 0041 ПУ 611, был бы обескуражен, удивлён и даже ошарашен, не пройди он шестьдесят лет назад биомодернизацию. Теперь же в его психоконтурах подобных терминов не было, их заменял чёткий и сухой термин «дезориентирован». Именно этот термин он был готов написать в отчёте об этом деле.

Ему поступила Директива Первого Уровня, то есть приказ, который нужно выполнить незамедлительно и неукоснительно. Но приказ этот был совсем непонятен, в нём была всего одна строчка:

«Обеспечить испытание объекта в условиях максимально приближённых к боевым».

И всё! Ни пояснений, ни аннотаций, ни инструкций. Разве ДПУ так формулируют? Нет, никогда.

За всё время его функционирования это был первый такой случай.

Он не понимал, почему нет чёткой и развёрнутой директивы.

Ему требовались дополнительные данные. КК 0041 ПУ 611 посмотрел на прибывший объект ещё раз, и ещё раз не смог определить его функции. Ноги коленями назад, длинные голени, длинные бёдра, длинная стопа всё как у разведчика или, как его чаще называют, у «бегуна». Но у «бегунов» широкая грудь для мощных лёгких и двух сердец, а у этой модели грудь неширока. Зато заметно брюхо. Непонятно, зачем его сделали. Лицо маленькое, челюсть мелкая, слабая, неопасная. Глаза большие сетчатые, скорее ночные, нос – рудимент. Уши небольшие, неподвижные. Явно это была не поисковая модель, это и близко не «нюхач». У того нос в пол лица, открытый, без ноздрей, похожий на бурые жабры протухшей рыбы, и большие, подвижные уши, которые слышат на тысячи метров. Круглосуточные глаза, которые видят и днём, и ночью, и в пыль, и в туман.

Тут такого и в помине нет. Конечно, эта модель и близко не была поисковой.

И уж тем более не была она и двухсоткилограммовой моделью стандартного «солдата». Моделью с тяжеленными крепкими костями, с дублированными системами жизнеобеспечения, серьёзным твёрдого жира для высокоуровневой системы регенерации и с почти пустой, маленькой головой, так как у «бойцов» мозг был утоплен в крепкой грудной клетке.

Ни один из модулей, что был в распоряжении КК 0041 ПУ 611 и близко не походил на то, что прибыло.

У модели, что сидела перед ним почти неподвижно, голова была огромна, вернее, она была длинной, с вытянутым затылком. Передние конечности слабые, да и вся конструкция казалась какой-то хлипкой, не способной к большим перегрузкам. Она явно не была приспособленная к службе на границе.

Тем не менее КК 0041 ПУ 611 понимал, что перед ним не модернизация, не переделка из аборигена, как он сам. Это была серьёзная работа дизайнеров. Что называется: от начала. В этом не было сомнений. Но КК 0041 ПУ 611 и понятия не имел о предназначении этой модели.

Он ещё раз, с надеждой, заглянул в коммуникатор, но там ничего не изменилось:

«Обеспечить испытание объекта в условиях максимально приближённых к боевым».

Никаких новых данных не поступало. И тогда он спросил:

– Твой номер-регистр?

– Секретная информация, – сухо и скрипуче ответил объект.

Для КК 0041 ПУ 611 почему-то это уже не было неожиданностью. Он начинал привыкать к необычности этого задания.

– Твой позывной?

– Ольга. – Ответил объект.

– Ольга? – КК 0041 ПУ 611 замер, теперь он опять был дезориентирован и ожидал пояснений.

– Ольга, – подтвердил объект, ничего не поясняя.

– Кто дал тебе такой позывной?

– Я выбрала сама, – скрипела модель.

Несколько секунд системы анализа КК 0041 ПУ 611 перерабатывали эту удивительную информацию прежде, чем он спросил:

– СаМА? ВыбраЛА? У тебя что, есть органы размножения?

– Секретная информация.

«Секретная информация». Вся эта модель была сплошной секретной информацией. Модель выбрала себе позывной сама! Как такое могло произойти? Нет. Он ничего не понимал.

И никаких указаний по поводу операции! Всё нестандартно. И если анализировать, то это задание без всяких сомнений выходит за рамки его протоколов.

Может случиться, что в рамках выполнения подобного задания он возьмёт на себя функции не своего ранга. И зачем это ему?

И в случае ошибки или неудачи Старший Контролёр ни секунды не задумываясь, отправит его в Биоцентр на переработку. А ему вовсе не хотелось стать «нюхачём» или «бойцом».

Он долго обрабатывал все данные, что получил. Не спешил, не хотел совершить ошибку. Ольга сидела перед ним на корточках, колени назад, как у саранчи, передние конечности сложены на узкой груди, и по-прежнему не шевелилась. Он мог бы сказать о ней, что она уродлива, то есть на вид нефункциональна, но он не знал её задач.

КК 0041 ПУ 611 решил не рисковать и сделал запрос. Он запросил дополнительной информации по этому заданию.

Конечно, в центре это могли растолковать как некомплектность, но лучше некомплектность в начале операции, чем её провал. Додумать эту мысль он не успел.

И секунды не прошло, как пришёл ответ:

«Первоначально отправленная информация окончательна. Приступить к выполнению задания немедленно».

Приступить к чему? Нет ни плана, ни, тем более, алгоритма решения поставленной задачи. Опять секреты. И опять дезориентация. Всё это дело каждым новым шагом ставило его в тупик.

Всё было неправильно. Во всём сквозил нестандартный протокол. Вернее, полное его отсутствие. Он не привык получать приказы, в которых не было чётко сформулированных задач и поэтапных шагов их выполнения. У него оставался только один способ выяснить, что делать. Единственный способ. Он обратился к модели:

– Что тебе нужно для выполнения задания?

– Укажите координаты ореола обитания оппонентов. – Заскрипела необычная модель.

– Ближайший населённый пункт аборигенов отсюда в пятидесяти двух километрах на северо-северо-восток. В пойме реки Турухан, это сплошные болота. Ты можешь функционировать в болотах?

– Я приспособлена к болотам. Но пятьдесят два километра это далеко, долго. Изыщите возможность контакта в пределах десяти километров.

«Изыщите возможность». Это легко сказать. КК 0041 ПУ 611 запустил систему анализа. У него были мысли на этот счёт. Он конечно болота знал хуже леса, но болота доходили до

края вверенного ему участка, и он частенько соприкасался с болотными аборигенами. И после недолгого размышления он произнёс:

– Так далеко оппоненты не заходят. Смогу выманить их на дистанцию в двадцать километров отсюда.

– Приемлемо. – Сразу согласилась модель.

– На это потребуется пять-шесть дней.

– Приемлемо.

– Я укажу тебе квадрат, где они будут через пять-шесть дней.

– Сколько их будет?

– Шесть-восемь.

– Приемлемо. – Ответила Ольга.

Приемлемое! Это было глупое, высокомерное заявление. КК 0041 ПУ 611 чуть подумал и решил предупредить её:

– Оппоненты будут высоки степени опасности.

– Приемлемо. – Беспечно скрипела она.

– Высоки степени опасности.– Повторил он.

– Для тебя,– высокомерного заметила модель, даже не взглянув на него.

Жаль, что она не была его подчинённой, для такого поведения у него был специальный протокол. Сейчас он бы с удовольствием воспользовался им.

Впрочем, он не стал настаивать, и развивать тему, но про себя подумал, что она ещё пожалеет о своей заносчивости:

– Нужна ли будет группа сопровождения? Огневая поддержка?

– Я рассчитана на автономную работу.– Всё так же беспечно говорила она.

КК 0041 ПУ 611 всё меньше и меньше понимал, что происходит, и это начинало его тревожить.

– Связь? – Спросил он, поднимая планшет и полагая, что и тут будет что-нибудь необычное.

Так они и оказалось.

– Стандартный внутренний коммутатор. Диапазон волн стандартный. Режим радиомолчания.

«Радиомолчание». Этого следовало ожидать.

– Связь односторонняя. – Продолжала Ольга. – Инициатор контакта – я. В случае, если я не выхожу на связь в течение трёх суток, и вы не видите моего индикатора, отправляете поисковый отряд. Остатки моей структуры должны быть возвращены в Центр. Пеленг – мой внутренний маяк.

Она ткнула когтем в экран его планшета.

– Я выгляжу так.

И тут же на планшете появилась серая точка.

– Ясно. Это всё? – Спросил КК 0041 ПУ 611

– Всё, – ответила Ольга. – Приступайте.

Последнее слово было одной из форм протокола директив. По сути, она ему приказывала. КК 0041 ПУ 611 не удивился и решил не оспаривать протокол. Только сделал пометку в записях для будущего отчёта. Она брала всю ответственность на себя. У него сохранилась запись их разговора. И это его устраивало. Это было единственной вещью во всём этом деле, которая его устраивала.

Ночь, двадцать пять градусов, звёзды. Удивительно, как хорошо бывает в степи. Ни пыльцы тебе, ни мошки, ни зноя. Саблин отключил электрику и скинул шлем, он болтался на затылке. Респиратор тоже стащил с лица, дышал полной грудью, этим замечательным прохлад-

ным воздухом. Только саранча стрекочет вокруг, летает в свете фар БТРа, её так много, что стрёкот множества крыльев сливается в нудный, непрерывный гул. Она летит к дороге, вместе со степным пухом, со всех окрестных пыльных барханов, привлекаемая тучами пыли и шелестом электроприводов. Если бы не саранча, можно было бы думать, что ты в раю. Впрочем, Саблин так и думал, сидя на броне, облокотившись на ствол двадцатимиллиметрового орудия и покачиваясь в такт неровной дороге. Под ребристыми колесами скрипят пыльные наносы, маленькие барханички, что за ночь собрал на дороге ветерок. Безмятежность. Движение и звуки убаюкивают. Так можно и заснуть, но спать нельзя, свалишься с брони. Такое бывало. Не с ним, конечно.

И вдруг зашелестели колёса, инерция качнула его вперёд, бронетранспортёр встал. Сразу, сзади его догнала пелена мелкой пыли. Саблин натянул респиратор.

И секунды не прошло, как остановились, а со второго БТРа уже кричат:

– Аким, чего встали-то? Приехали?

– Сейчас, – кричит Саблин в ответ и стучит прикладом по броне. – Вася, чего стоим?

– Пост, – орёт водитель из кабины через открытый люк.

– Пост, – кричит Саблин назад в пыль.

– Сотника на пост просят, – орёт мехвод Вася из БТРа.

– Сотника на пост, – кричит Саблин назад.

«Сотника на пост, – отзываются дальше, и ещё дальше, и ещё, – сотника на пост».

А из темноты в свет фар выходит солдат в пыльнике, с винтовкой, в шлеме, открыто подходит к БТРу и говорит:

– Товарищи сапёры, у вас сигаретки не будет, второй караул без сигарет.

Солдат молодой вроде совсем, и Юра ему отвечает с брони:

– А где ты, балда, тут сапёров увидал?

– А, так вы казаки, – солдат приглядывается к эмблеме на броне, – товарищи казаки, дайте сигаретку.

– А где ты, балда, тут казаков увидел, – кричит Зайцев.

Все на броне смеются, солдат стоит растерянный, светит фонариком на броню, а там и вправду две эмблемы казачья и саперная, смотрит молодой солдат на них и не понимает, с кем говорит.

Юра лезет в карман пыльника достаёт смятую, почти пустую пачку сигарет, протягивает её солдату:

– На, и запомни, мы не просто казаки, пластуны мы.

– Спасибо, пластуны, – говорит солдат, заглядывает в пачку, – что, все мне?

– Бери-кури, до боя не помри, – говорит Юра.

Все опять смеются. Юрка балагур.

– Зря, Юрка, ты его балуешь, – говорит старый казак-урядник Носов.

У Носова это двадцатый призыв, он всё знает.

– Сигареты у него офицер отобрал, чтобы в карауле не курил.

– Да ладно, пусть покурит, – говорит Юра.

Тут из клубов оседающей пыли в свет фар выходит подсотник Колышев. Идёт, разминая шею и плечи на ходу, подходит к солдату.

И вдруг далеко на юго-западе небо осветил всполох. Яркий. А потом ещё один. И ещё. И через шелест саранчи докатилось тяжкое: У-у-м-м-м. У-у-у-у-м-м. У-у-у-у-у-м-м-м-м.

– Двести десятые, – говорит Зайцев, с каким то неопытным злорадством.

Все смотрят в ту сторону.

Все на броне знают, что это значит. Так при взрыве освещают небо тяжёлые двухсот десяти миллиметровые снаряды.

– Они, «чемоданы». Век бы их не слышать. – Говорит Юра, он встал на броне, смотрит на юго-запад, туда, где всполох за всполохом взрывы освещает небо.

– Вот туда и поедem, – говорит, наконец, Юра.

– Ну, а то куда же, – подтверждает его слова урядник Носов. – На аэропорт пойдём.

Все молчат, всё веселье сразу как-то кончилось. Все только смотрят на юго-запад. Но взрывы прекратились.

Здоровенная, в полтора пальца саранча со шлепком плюхнулась на шею Саблину, едва в панцирь не упала, он тут же прихлопнул её и с хрустом прокрутил меж шеей и ладонью, скинул её вниз с омерзением. Потрогал шею, нет, вроде, цапнуть не успела.

Подсотенный с солдатом стоят и разглядывают что-то в планшете, и солдат рукой машет как раз на юго-запад. Офицер понимающе кивает, и они расходятся.

– Господин подсотник, куда нас? На аэропорт? – Спрашивает Юра. Он так стоит на броне, не сел ещё.

– На аэропорт, – сухо отвечает Колышев и уходит к грузовикам, в конец колонны.

– Эх, жизнь казачья, – Юра усаживается на своё место.

Солдатик так и стоит, курит у обочины, как БТР тронулся, он стал махать им рукой, но тут же пропал в темноте, как только выпал из света фар.

Колонна сворачивает на юго-запад. Идёт туда, где опять в чёрное небо рвутся огромные оранжевые всполохи. Колонна идёт на аэропорт.

Глава 2

Это были не сны. Он не спал, когда всё это видел, просто иногда он закрывал глаза, и что-то давнее, почти забытое начинало крутиться в голове словно фильм. Даже самые глупые и ненужные мелочи, вроде большой саранчи, что он прихлопнул на БТРе перед тяжёлой атакой, в которую они пошли той ночью. Редко ему вспоминалось что-нибудь хорошее, как правило война. Ведь хорошего у него в жизни было не так уж и много. Разве что семья. Семья – да. А остальное: война да тяжёлая работа и непростая жизнь на болотах. Может, потому и приходили приятные видения так редко. Всё война да война.

Он открыл глаза, глянул на термометр. Семи нет ещё, а уже тридцать три градуса. К десяти будет под сорок. Ветерок гонит лёгкую рябь, волны убаюкивающее шлёпают в дно «дюраля». Он стянул респиратор, принялся. Вроде, чисто, пыльцы нет. Без респиратора дышать легче, и не так жарко. Он чуть-чуть стравил газа. Ледяной газ растёкся внутри Костюма Химической Защиты, или же просто КХЗ. Жара сразу отступила. Прохлада. Баловство, конечно, так газ тратить, до зноя ещё три часа. Но иногда так хочется прохлады.

Справа жёстко и скрипуче зашелестел рогоз. Аким прекрасно знал отчего. Баклан, злой, хитрый и голодный, выплыл из рогоза на чистую воду, смотрит своим одним глазом. Думает, ищет чем поживится. Большой, матёрый, но, видно, изгой. Он тут без стаи. Поэтому не опасен. Аким просто поднял с банки здоровенный дробовик в два ствола десятого калибра, показал ему.

Баклан – тварь умная. Что такое дробовик, знает. Смотрит своим одним глазом во весь лоб и нехотя забирается в рогоз обратно, бурчит что-то. Он всё время на этом месте крутится. Надо бы его убить давно, да Саблину всё патрона жалко.

И не успел он положить дробовик на место, как задрожала и соскочила леса с катушки и полетела вводу, раскручивая её. Катушка запищала высоко. Тревожно. Аким левой рукой лесу схватил, да куда там, она скользила в рукавице, только грела её. Он быстро надел рукавицу на правую руку. Перехватил лесу двумя руками, и намотал её на руку, застопорил. Тут уж понял, что там, в воде, что-то серьёзное. Его так дёрнуло, что он с банки встал, пришлось сапогом в дюральный борт лодки упереться, чтобы в воду не упасть. Так рыбина ещё и лодку дёрнула, не будь якоря – поволокла бы.

Это явно была не «стекляшка», даже десятикилограммовая прозрачная рыбина так дёрнуть не смогла бы. Налим! И немаленький. А рыбина дёргала и дёргала, то вглубь пойдёт к протоке, то к рогозу, то за коряги.

– Ты уж не сорвись, дорогой друг, – шепчет Аким, наматывая лесу на рукавицы. – Я тебя тут давно жду.

Рыбина сильна, но быстро выдыхается. Он подтягивает её ближе и ближе. И вот уже через серую воду, через верхний слой, наполненный прозрачно-жёлтыми амёбами, Саблин видит чёрную, как старая коряга, тупую морду. Налим. Как его к лодке подтянули, он стал биться из последних сил. Так старался, что лодка ходуном ходила. У Акима для такого случая стальной крюк есть с шокером. С трудом держа левой рукой лесу, правой он опустил в воду шокер. Один удар, треск, вспышка в воде, и налим замер, в радиусе метра ещё и все амёбы сварились. Жабры, Аким читал, когда в школе учился, что раньше у рыб были жабры. Теперь таких рыб не было. Он зацепил налима крюком прямо за голову и с трудом втащил его в лодку.

Тот лежал огромный, в пол бревна, весь усыпанный пиявками, чёрный, страшный.

Снова в двадцати мерах заскрипел рогоз, снова из него выплыл баклан, поглядеть, что происходит. Аким опять поднял дробовики и пообещал ему:

– Ты доиграешься. Живёшь только из-за моей жадности.

Баклан обиженно гавкнул, потряс своим острым и твёрдым жалом и снова ушёл в заросли.

Да, налим был очень хорош. Двадцать шесть, а то и двадцать восемь килограмм. Люди эту дрянь не едят, но вот свиньям только подавай. Четырём свиньям Акима такого красавца на три дня хватит, а если порубить его да перемешать с тыквой и со степной колючкой, так и на неделю. Ещё он в это утро поймал семь «стекляшек» по два, по три кило. Это был хороший день.

Ждать жары ему теперь не хотелось, он закинул двух самых мелких прозрачных рыб в компрессор, они тоже были несъедобны.

Компрессор сжал их, выжал из них ценное масло-топливо. Для этого их и ловили. Бак показал почти два литра масла. Нормально, рыба жирная шла. Жмых он выбросил в воду – прикорм. Вытащил якорь. Тихо зашелестел электромотор, Аким поехал в станицу. До неё было двенадцать километров. А из рогоза опять выскочил баклан, злобно гавкнул вслед Акиму и кинулся к тому месту, где Саблин выкинул жмых, торопился изо всех сил, пока рыбы жмых не поели.

На пирсах как всегда Яшка Зеленчук ошивался. Солнце уже высоко, а он без пыльника, без респиратора, хоть ветер пыльцу несёт. Молодой дурень, снова бахвалится удалью своей. Только простая одежда у него да дурацкая шапка от солнца, что молодёжь сейчас носит. Ещё очки тёмные, такой нелепой формы, что смотреть на них неприятно.

– Дядя Аким, помочь тебе? – Кричит Яшка ещё издали. И уже идёт по мосткам к лодке Саблина.

– Ну, помоги, – говорит Аким нехотя.

Дурню уже семнадцать, а дела себе не найдёт. Не будь его отец другом Саблина, так погнал бы балбеса. Но Иван Зеленчук служил с Акимом в одном взводе, в четвёртом, он, Аким и Юрка Червоненко были друзья со школы. Не разлей вода. И служить пошли вместе.

Четыре года назад, на пятом их призыве, в боях у Жёлтого камня, болваны из шестой линейной сотни разведку произвели халатно, сказали: чисто всё. Пластуны, их четвёртый взвод, пошли снимать мины к барханам. Охранения не выставили. Зачем, если им сказали, что нет никого кругом? И напоролись. В степи за камнями замаскированы два секрета. Иван шёл первый и попал под перекрёстный огонь, по нему с двух сторон били, а у него и щита с собой не было. Через десять минут боя, во взводе один убит и четверо раненых. Пока подтянули второй взвод, пока БТР пришёл, секреты уже пустые были, противник ушёл.

Вот Яшка и непутёвый рос. Неприкаянный. Отца-то нет, а мать... А, что мать, мать не отец.

– Ишь, ты! – Орал Яшка на все пирсы. Так, что все, кто там был, на них посмотрели. – Вот это бревно дядя Аким выловил. Налим! – И тут же спрашивает: – А улиток чего не набрал?

Аким приплыл на свою тайную отмель на рассвете, где он собирал улиток раз в три дня. Пять-шесть штук всегда находил, иногда и дюжину брал, а сегодня там плавала трёхметровая медуза. Всех улиток пожрала. Этот бесполезный кусок слизи Саблин порвал багром, а «сердце» на рогоз закинул, на солнце. Чтобы наверняка сдохла.

– Нет улиток сегодня, – говорит Аким.

А Яшка, дурень, всё орёт:

– Гляньте, какого хорошего налима Аким взял!

Саблин морщится, одёрнуть хотел дурака, да поздно, все рыбаки идут смотреть налима. Собрались, поздоровались. Посмотрели на налима. Согласились, что рыба не дурна. Закурили, обговорили сегодняшние уловы. И тут Андрей Самойлов и говорит:

– А вы слышали, Пшёнку и Берича бегемот перевернул вчера.

Взрослые казаки замолчали, а Яшка, вот дурень, честное слово, сопля бестолковая, тут же лезет в разговор старших:

– Ага, точно, староста с урядником сегодня объявляли.

Казаки смотрят на него неодобрительно, но хотят знать подробности. А Яшка и рад:

– Попёрлись они за антенну. На вечернюю зорьку пошли, и тут их бегемот и опрокинул. Пшёнка не выплыл, а Берич до деда Сергея дошёл едва живой. Амёбы пожгли. Доктор говорит, ему всю шкуру ниже пояса менять. И ещё он пыльцой надышался, теперь на антибиотике сядет.

Яшка ещё что-то хотел сказать, пока взрослые слушают, да Аким оборвал его сурово:

– Болтать хватит, взялся помогать – так помогай, тащи рыбу в мой квадроцикл. И снасти.

– Так я ж... – хотел было ещё что-то сказать Яшка.

– Таскай рыбу, – оборвал его Аким.

Казаки помолчали, покурили.

Серёгин сказал:

– Видать, старшины соберут нас сегодня.

Все соглашались. Конечно, соберут. Человек сгинул, не шутка.

Тушили сигаретки, расходились. А Яшка тем временем всю рыбу, все снасти и даже ружьё уже сложил Аким в квадроцикл. И сам залез в кузов.

Аким не гнал его, дурака. Поехали.

– Дядь, Аким.

– Ну, – нехотя говорил Саблин.

– Так вы теперь за бегемотом в рейд пойдёте?

– Если общество решит – пойду.

– Конечно, решит, вы их столько уже побили! Больше вас в станице никто бегемотов не бил.

– Ну, значит пойду.

– Дядь Аким.

– Чего?

– А можете меня взять?

– Общество решает, кому в рейд идти.

– Так я-то знаю, – говорит Яшка, – так общество вам разрешит товарища выбрать, может, меня скажете?

– А ты минёр? Там минёр нужен будет. Со взрывчаткой работал? – Спрашивает Саблин холодно, зная, что Яшка ещё не призывался.

– Да нет, – отвечает парень невесело.

– А может, ты рыбарь хороший или охотник?

– Да нет, – совсем скис Яков.

– А для чего ж мне тебя брать, – зло говорит Аким. – Балластом в «дюраль»?

Яшка не ответил, они приехали, ворота дома Акима открылись, тут же выбежал второй его сын Саблина, Олег:

– Бать, что, налима поймал? – Радуетса мальчишка.

Но Аким злится ещё на Яшку, и за то попадает и Олегу.

– Олег, – сурово говорит отец.

– Да, бать.

– На улице скоро сорок будет, а у тебя свиньи на солнце. Сожгут шкуру – я с тебя шкуру спущу.

– Ой, бать, сейчас.

Мальчишка убегает загнать свиней под навес.

Яков невесело сгружает рыбу, носит её в дом Саблина.

Аким выбирает самую большую «стекляшку», даёт её Яшке:

- Матери отнеси.
 - Спасибо, дядя Аким.
 - Спасибо, – повторяет за ним Саблин с укором, – Делом займись хоть каким. Ходишь, ни профессии, ни знаний. Шапка дурацкая да очки уродливые. Вот и всё, что у тебя есть.
 - Я призыва жду, скорее бы уйти, – говорит Яшка.
 - Призыва ждёт он, до призыва мог бы и поработать, Юра тебя сколько раз звал на сушилку, чего не идёшь?
 - Да не хочу я там с китайцами работать, я казак.
 - Ничего, в работе позора нет, и с китайцами поработаешь. А казаком не по рождению становятся, казак – это воин, а ты ещё никто, так, заготовка, живёшь – только имя отца своего позоришь,
 - Хорошо, – бубнит Яшка, – пойду к дяде Юре на сушилку.
- Аким ему не верил, не первый это разговор у них. Говорит:
- Вечером ужинать приходи и матери поклон передай, спроси, не нужно ли чего.
 - Хорошо, – снова бубнит Яшка и с рыбой уходит со двора.

Не успел он снять КХЗ, на пороге кухни уже стояла Настя. Руки в боки. Ничего хорошего эта стойка не предвещала.

- Чего? – спрашивает Аким.
 - Ничего. – Тонем, который говорит о многом, отвечала жена.
 - Я налима поймал.
 - Видала. – Сказала это небрежно, мол, это меня сейчас мало волнует.
 - Ну и чего? – Не понимал её тона Саблин.
 - Дежурный приходил, – говорит Настя, – сказал, что сбор в шесть часов в чайной.
- Аким наконец скинул костюм химзащиты, сел на стул. Дома было хорошо, прохладно, не больше двадцати семи градусов. А на улице температура уже к сорока подбиралась.
- Он молчит.
- Пойдёшь? – Не отставала жена.
 - Вот дура, баба, ну как же я не пойду, если дежурный на сбор звал.
 - Так, может, ты захворал. – Говорит Настя едко.
 - Так не хвораю я, – говорит Саблин, встает, идёт на кухню, там, в дверях, приходится толкаться с женой, она дорогу не уступает. – Может, пообедать дашь?
 - Катя звонила, – продолжает Настя, а сама и не думает кормить мужа, – говорит, Пшёнку и Берича бегемот опрокинул.
 - С рыбаками такое случается, – нейтрально отвечает Аким, сам за стол садится.
 - Так ты уже, наверное, в рейд намылился? – Не унимается жена.
 - Никуда я не намылился, – всё ещё спокойно говорит Саблин, – кого в рейд слать – общество решает.
 - Намылился, значит, – уже уверенно говорит жена, стала совсем рядом, с каждой секундой всё злее. – С призыва пришёл три месяца назад, не навоевался, что ли? Не настрелялся? Дети отца почти не видят, то на войне, то в болоте, то на войне, то в болоте этом проклятушем. Сами растут. А он чуть передохнул и опять воевать.
 - Да то не война, – морщится Аким, – чего ты орёшь как оглашенная, взорвём его, и вернусь через четыре дня.
 - Никуда не поедешь, дома сиди, мне без мужа надоело жить, – кипятился Настя. – Пусть другие бегемотов ловят. Авось, охотников будет. А ты при мне посиди. Дом поправь, сколько уже прошу тебя батареи подшлифовать на крыше. Их мой – не мой – они уже и половину напряжения не дают. Всю поверхность посекло пылью.
- Стала ставить еду на стол.

– Подшлифую, – обещает Аким, – а ты чего Юрку не можешь заставить? Пусть после школы залезет да сделает. Там ума-то много не нужно.

– А я хочу, чтобы ты сделал, есть у меня мужик в доме?

Каша из тыквы, два яйца в ней, два куска сала, долька лука – деликатес. Два куска кукурузного хлеба. Квас, большая кружка.

Аким взял ложку, но прежде, чем начал есть, сказал:

– Ты ж сама видела, кукурузе воды не хватает, все фильтры амёба кислотой разъела. Новые нужны. В рейд пойду – так, может, платины хоть чуть-чуть дадут, хорошие фильтры поставим, с платиновым напылением они тебе пол моря на поле прокачают. Платина амёбы не боится. Кукуруза будет два метра. А может, и свинца дадут, ещё бы один аккумулятор не помешал бы.

– Дома сиди, – бесится жена, – хватит, ещё девять месяцев и опять в призыв уйдёшь, надоело уже.

Сама аж пятнами пошла красными.

Саблин хотел ответить что-то, да не успел.

Глава 3

– Папа, а ты что, опять на войну уходишь?

На пороге кухни стояла Наталка.

Они оба замолчали, и Аким поманил дочку рукой. Дочке было пять лет. Удивительно умная росла. Уже и читать умела. В сад к другим детям её не пускали. Так старшие братья и сестра научили, сама просила их. Она пришла к нему, он взял её и посадил на колено:

– Кашу будешь?

– Нет пап, не хочу. Я же ела уже. Ты опять на войну уходишь?

Она даже дома не снимала медицинскую маску. Ей нельзя было. Если взрослый мог поймать пыльцу, красный грибок, хоть и тяжело, но переболеть им, пересилить его антибиотиками, просидев на таблетках полгода. То у детей всё было куда хуже.

Грибок заселял носоглотку, бронхи, все лёгкие и разрастался в них, пока хозяин мог дышать. Антибиотики у детей только приостанавливали его продвижение. Врач месяц назад сказал, что правое лёгкое через год ребёнку придётся менять. А ещё через год и левое. Наталка не могла ходить в детсад, пила каждый день таблетки, не выходила на улицу и не снимала с лица мед-маски. Не дай Бог простуда или вирус.

– Да нет, не на войну. – Говорит отец, берёт с тарелки лук, – А лук, лук будешь? Он вкусный.

– Он не вкусный, – отвечает дочь и машет головой, – он горький. А куда ты уходишь?

– Да несёт, доченька, чёрт твоего папку куда-то. Дома ему с нами не сидится. – Уже беззлобно говорит Настя.

– А куда ты, пап?

– Бегемота ловить, если, конечно, выберут меня его ловить.

– А зачем его ловить? Есть его будем? – Не отстаёт Наталка.

– Да нет, – Аким засмеялся, – есть нельзя, он вонючий и склизкий.

– Как налим?

– Ещё хуже, серый, и по всему телу такие крылышки, по бокам.

– А зачем же его ловить тогда, раз есть его нельзя, или опять свинок кормить?

– Думаю, и свины его есть не будут, понимаешь, он же огромный...

– Как наш дом?

– Да нет, ну вот как три мои лодки длинной будет и свирепый. Он себе место выбирает на дне глубокое. И там как растолстеет, начинает делиться.

– С кем? – Спрашивает девочка, глаза её широко раскрыты, слушает внимательно, видно, её очень заинтересовал бегемот.

– Да ни с кем, делится на две части, из одного большого два маленьких получается, он так размножается. А пред тем, как делиться начать, он территорию чистит, всех сомов поубивает, поест всех налимов, всех медуз. Всё, что не мелкое, всё убьёт, вот даже и лодку с рыбаками, и то перевернёт если увидит.

– Какой он сердитый. – Девочка была удивлена.

– Да не то слово, в общем, его нужно найти и убить, а не то их через месяц двое будет.

Вдвоём будут наши лодки переворачивать.

– Папа, а он тебя не убьёт? – С опаской спрашивает девочка.

– Да нет, не убьёт, – Саблин смеётся.

– Ты ж говорил, он большой.

– А я умный, и я не один поеду, а с братьями-казаками.

– С пластунами, – радуется Наталка.

– С пластунами, – кивает Аким.

– И взрывчатку возьмёте? – Она так смешно выговаривает слово «взрывчатка», что Аким смеётся:

– А как же, куда же пластунам да без взрывчатки.

– А вы его взрывать будете?

– Всё, – Настя берет Наталку, отрывает от отца, – иди, поиграй, дай батьке поесть.

– Ну, ма-а... – Захныкала девочка, ей интересно отцом.

– Иди, говорю. Ты встала, покушала, а он с болота пришёл голодный. Всё утро рыбу ловил, иди, погляди, какого налима поймал.

– Ну, ма-а-а...

– Иди, иди. Нарисуй папке бегемота.

Кажется, эта идея девочке понравилась, она чуть подумала и ушла.

Когда поел, стал одеваться рабочее.

– Ты куда? – Настя уже не злится. – Пошёл бы поспал, встал-то в три, поди.

– Пойду, насосы погляжу. – Говорит Саблин, натягивая сапоги. – Потом посплю.

Накинул пыльник и вышел из дома. Как только вакуумная дверь хлопнула за ним, так он словно нырнул в зной. Ещё двенадцати не было, а уже под сорок. Он прошёл вдоль межи, поглядывая на соседскую кукурузу. У Матвея, соседа, кукуруза была получше, чем у него. Не мудрено, Матвей добрый хозяин, он её и от зноя прячет и поливает лучше, и удобряет, и пропалывать у него её есть кому.

Позавидовал малость, пошёл дальше.

На своём участке, он нашёл сою старшую дочь и старшего сына.

Юрка и Антонина пололи. До жара, до школы время было.

– Здорова, бать, – сказал почти взрослый Юрка, увидав его.

Респиратор на шее болтается.

– Чего без респиратора? – Сразу недружелюбно спросил Аким.

– Так ветра нет, нет и пылицы, а в нём дышать нечем. – Объясняет сын.

Он прав, но всё равно Саблин даже думать не хочет, что кто-то ещё из его детей может подхватить грибок.

Антонина сразу надела респиратор. Он её обнял:

– Ну как, много колючки с барханов нанесло?

– Много, папа, – говорит старшая дочь. – Но тыкву всю пропололи, тыква хорошая будет, если воды будет вдоволь.

– Идите домой, – говорит отец, – в школу пора уже.

Детям повторять не нужно, быстрее бы с жары уйти, тяпки на плечо, и пошли к дому.

Саблин осматривает грядки с тыквой, находит пару ростков колючки совсем небольших. Плохо пололи, выскажет всё им вечером. И пошел, перешагивая через тонкие капиллярные трубки к насосам.

Насосы работают почти круглосуточно, без воды всё погибнет моментально: и кукуруза, и тыква, и горох – все растения привычные к жаре, но всё выгорит за два дня. Главный расход энергии – это насосы. На них её уходит в два раза больше, чем на дом вместе с его освещением, охлаждением, и всем, всем, всем. И насосы его были не в порядке. Стук уже нелёгкий. Каждый литр воды сопровождается ударом. Нужно будет перебирать насос скоро. Лоток вытолкнул из насоса пригоршню жёлтой слизи. Она стекла в такую же влажную жёлтую кучу рядом с насосом. Амёбы. Мерзкие твари, что давно загадили всю пресную воду. Из-за них вода плохо испаряется. Они создают слой скользкой на ощупь, как жидкий желатин, поверхности. Амёбам нужно солнце, большинство из них плавают сверху. Пять сантиметров верхнего, водного слоя – это амёбы. Это они своей кислотой разъедают железо. Сначала убивая фильтры, потом

уничтожая и все внутренности насоса. Новый насос стоит дорого. Но и он проживёт года полтора-два. А их нужно два как минимум. Вот если бы найти платины. Хоть десять грамм, хоть пять. Платину амёбы не берут. С платиновым напылением в четыре микрона на фильтрах насос будет работать десять лет без остановки. Поэтому Аким и готов был идти в рейд за бегемотом. Бегемот – дело опасное. За него общество готово платить. И, возможно, общество предложит платину. У общества она есть.

И алюминий есть, и свинец, и золото. За всем этим ходят на юг охотники, поисковики. В основном из линейных казаков. Но и пластуны иногда собираются. Те кто ни Бога, ни чёрта не боится, в основном бессемейные бродяги. Один удачный рейд на юг – моток меди в десять килограмм или десять золотых колец, и пять лет можно ничего не делать. Некоторые доходили до Радужного. Но Аким видал сорвиголов, что ходили и до Сургута и Нижневартовска. Да раньше он с такими знался. Там на юге, говорят, всё можно найти. Там, говорят, железо как песок под ногами валяется. Столько, что не утащить. И алюминий есть, и медь. Там всё есть. Только вот, не все оттуда возвращается. А Саблин был человек семейный. Ему туда теперь нельзя.

У насосов стояла старая лопата, он взял её и разровнял кучу жёлтой слизи, чтобы быстрее её солнце высушило, превратило в пыль, а ветер потом разнёс её по полю. Амёбы какое-никакое, а удобрение. Да и куры, если примешать амёбную пыль с кукурузной мукой, её ели. Без энтузиазма, но ели.

Поставил лопату, оглядел свои участки. Вроде, не жёлтая кукуруза, вроде, живая. Ну а тыквы так и вовсе не плохи. Сколько глаза хватает – хорошие тыквы. Надо бы немного картошки посадить, вдруг поднимется. У некоторых немного поднималось. Редкая вещь. И дорогая.

Он глянул на термометр в коммуникаторе. Сорок. И пошёл домой.

Позвонил Юра, спросил, его пойдёт он на сбор, в кителе или в одежде? Аким сказал, что китель наденет, как и всегда. Юра сказал, что понял, и отключился.

Настя была права, дел в доме по горло, и уплотнители на дверях нужно было клеить, вакуум не держали, палец в дом налетала, и сетку на свинарники менять надо – мошка прогрызла, и солнечные батареи на крыше шлифовать – и вправду тока не давали, как положено. И ещё по мелочи всего. Сел он клей искать нужный, силиконовый, для уплотнителей. Склонился пред огромным своим сундуком с инструментами. Вытащил клей... И заснул случайно.

Настя, вот мерзкая баба, упрямая, своевольная, вот всё по её должно быть. У Саблина на неё зла не хватало. Видит, что муж замордовался, уснул, так разбуди его, когда нужно. А она нет, назло ушла на другой конец дома и Наталку туда увела, чтобы не шумела, думала, что он проспит и не пойдёт на сход. Еле проснулся. Галифе, китель и фуражку чуть ли не на улице надевал. Сапоги не почистил. Прыгнул на квадроцикл и полетел в чайную на сход. А там уже всё транспортом заставлено. Еле нашёл место, где приткнутся. Казаков распихивал у входа, лез внутрь. Извинялся. Врал, что его ждут. В чайной сесть некуда было. На сто посадочных мест вся станица собралась, все призывы, без малого триста человек. Слава Богу, Юра место занял. Встал и крикнул:

– Тут я, Аким! К нам иди.

Там, у окна, под кондиционером, весь их взвод собрался.

Извиняясь и топчя чьи-то ноги, он прошёл за стол, поздоровался за руку со своими из взвода, кивал всем остальным, уселся на краешек лавки рядом с Юрой. Вздохнул с облегчением. Успел.

И вовремя. В чайной появились старшины, деды. Первым шёл Николай Николаевич, куренной кошевой, могучий дядька семидесяти пяти лет, усатый, молчаливый. Казначей станицы. Человек с непререкаемым авторитетом. У казака двадцать девять призывов за плечами. Шутка ли. За ним шёл Никодим Щавель, станичный комендант. Чином он был подьесаул. Во Втором Казачьем Пластунском полку, куда был приписан Аким, имел большую должность. Был начальником оперативного отдела штаба. И самый главный приехал, зам. ком. Второго Пластунского, есаул Бахарев. Высокий, крепкий мужик. Он стал за столом, махал папкой с бумагами, разгоняя дым:

– Накурили, демоны, не продохнуть. Кондиционеры не справляются.

Самому ему, заядлому курильщику, после тяжёлого ранения поставили новое лёгкое и часть грудной клетки. Врачи курить запрещали настрого.

В пластунский полк он пришёл из казачьего линейного полка, и поэтому любил подразнить пластунов:

– Здоровы будьте, господа-товарищи казаки!

Нестройный гул прошёлся по чайной. Неодобрительный.

– Я что-то забыл? – Делает удивлённый вид есаул. – Ах, ну да, здоровы будьте, господа-товарищи, казаки-пластуны.

– И вам здравия, господин есаул. – Теперь уже более-менее дружно отвечали пластуны.

Вот теперь правильно.

– Ну, все, наверное, знают, зачем собрались. Кто не знает, скажу: Пшёнка и Берич ходили на юг, за антенну, там нарвались на бегемота, Пшёнка не вернулся, Берич к деду Сергею пришёл чуть живой.

– Говорено-переговорено сто раз не ходить за антенну. – Крикнул кто-то из казаков.

– Неймётся, тут им «стекляшек» мало, – соглашался другой.

Казаки загудели, кто-то был за, кто-то – против походов на юг.

Но все знали, там, на юге, намного больше рыбы. Иной раз за два дня удачливые рыбаки полный «дюраль» привозили. И улитка там крупнее, и лотос попадает, за который врач готов платить огромную деньги. Вот только рыбачить там опасно. Уж совсем болота там дикие.

– Дозвольте я скажу, господин есаул, – берёт слово станичный казначей.

– Говори, Николай Николаевич, – есаул садится.

Коренной кошевой встал, оправил китель:

– Вот, что скажу, раз общество не воспретило на юг за рыбой ходить, значит, любой может это делать. Я не помню, чтобы общество воспрещало. Это первое, второе: можно на юг ходить или нельзя – это к делу не относится. А вот бегемот у антенны уже есть. Сейчас он жира возьмёт и ляжет в омут. Через месяц их у нас два будет. Думаю, такого нам не нужно. Думаю, надо рейд собирать. Если есть кто против того сказать желает – говорите.

Николай Николаевич сел на место.

– Да то понятно, – кричали казаки.

– Рейд собирать нужно.

Все понимали, не убьют бегемота за антенной на юге, через год-полтора будут бегемотов у станицы ловить.

– Ну, раз всем понятно, думаю, нужно командира рейда выбрать. – Снова встал есаул. – Думаю, что никого лучше не будет Ивана Головина. Урядник, покажись, ты тут?

Он был тут, опытный казак, ему уже под шестьдесят было, встал, мог бы и не вставать, его все знали.

– Есть, кто против? – Спросил есаул.

Иван – казак авторитетный. Со многими призывами за плечами и большой мастер охоты. Не было лучше него охотника. Он не только болота местные знал, но и степь вокруг.

– Значит, с головой решили. Думаю, четырёх «дюралей» хватит, семь человек помощников, что в рейд с ним пойдут, пусть сам голова выбирает. Или общество?

– Общество, общество, – шумят казаки. – А награда какая за рейд будет?

Снова встаёт куренной кошей:

– А награда будет такая. Один рубль серебром. Пол кило меди, пять килограммов свинца, десять килограммов железа и, – Николай Николаевич сделал паузу, – по пять грамм золота.

Казаки загудели, не сказать, что награда была большая, но от золота никто не отказался бы. Пять грамм золота – это целая солнечная панель. Ну, три рубля добавить, и в мастерских тебе за пару дней панель сделают. Да и пять килограмм свинца – это небольшой аккумулятор, в хозяйстве без аккумуляторов никак.

Аким хотел встать спросить про платину, но его опередили:

– А чего платины не даёте?

Николай Николаевич расправил усы и сказал:

– Платину решено не давать, мало её, сейчас на станции все насосы менять будем, будем туда платиновые фильтры ставить. На больницу, на роддом, на садик и школу – везде фильтры платиновые думаем поставить. Так что лишней платины нет.

– Ну, – разочарованно тянули казаки, махали на казначея руками, – как всегда.

– Теперь давайте выбирать охотников, – предложил Есаул.

Глава 4

Шлем, кираса, гаржет, наручи, наплечники, рукавицы, раковина, поножи, наголенники, противоминные ботинки – всё из ультракарбона и пеноалюминия. Общий вес – семь с половиной килограмм. Аким входил во взводную штурмовую группу из четырёх человек. А значит, винтовка ему не полагалась. Шестнадцатимиллиметровый стандартный дробовик «Барсук», два и два кг, и сто двадцать патронов к нему. Шестьдесят картечи, двадцать бронебойных жаканов, двадцать зажигалок «магний» и двадцать – «дробь», мелкая картечь против дронов. Почти шесть килограммов. Но главное оружие штурмовика не дробовик, главное оружие штурмовых групп – гранаты. Шесть «фугасов» для подствольного, три кг без малого. Четыре ручные гранаты: две «термички» они не большие и две «единицы» каждая по одному кг, всего почти четыре кг. А ещё штурмовику полагался трёхкилограммовый пеноалюминиевый щит. «Аптечка».

Ко всему этому термостойкое, противоосколочное бельё «кольчуга». Десятимиллиметровый армейский пистолет «Удар» и две обоймы по шесть патронов к нему. Аккумуляторы, баллон с охлаждающим газом, фляга воды на два с половиной литра. Плащ-пыльник, тоже противоосколочный. Рюкзак. Две банки каши и галеты. Ещё семь килограмм.

С таким весом с брони слезать нужно аккуратно. Спрыгнешь – ноги переломает или приводы в «коленях» сорвёшь. Аким так и слезает. А вокруг пылища, грузовики идут и на передовую, и с неё, поднимают тонны лёгкой пыли. Он сразу надевает респиратор.

Их колонна стала у обочины, пропуская солдатскую колонну вперёд. Затем пропустили миномётную батарею. Старшины ничего не говорят, казаки терпеливо ждут. Курят, на секунду отодвигая маски, переговариваются. На казаках уже сантиметровой слой пыли, но забрала на шлемах никто не закрывает. Снова на юге всполохи взрывов. Но теперь они приносят не далёкий гул. Теперь звук совсем рядом.

– Ну, двенадцать уже, – говорит Юра, пританцовывая у БТРа, – чего ждём, рассвета? Чтобы по жаре воевать?

– Вечно ты, Юрка, мельтешишь, – осаживает его урядник Носов, – сиди, отдыхай, может, и не начнём сегодня.

– Да как тут отдыхать в такой пылище, – бубнит Юра.

– Нет, Алексей, – не соглашается с урядником минёр Коровин, – он такой же, как и урядник, опытный, полтора десятка призывов прошёл, поэтому имеет права перечить Носову, – начнём сегодня, до утра пойдём, подсотника уже в штаб звали для получения задания.

– Быстрее бы уже, – говорит гранатомётчик Теренчук и вдавливая в пыль окурочку большим ботинком. – Не люблю я ждать вот так вот.

– А кто ж любит, – соглашается урядник, – никто не любит.

– Сейчас, – говорит Юра со знанием дела, – солдафоны по шапке получают, откатятся и мы пойдём, слышите, турели заливаются.

И вправду, мерзко и высоко, такой звук далеко слышно, с каким-то надрывом завизжала турель. До турели было далеко, но даже тут Аким представил, как с этим звуком ночную черноту разрывают прерывистые линии смертоносного огня. И вторая, чуть подальше, чуть глуше, но тоже заработала. Этот противный звук ни далёкие взрывы, ни снующие грузовики не перекрывали.

– Слышите, срежет! Прикажут нам турели сбивать, – говорит Теренчук.

– А пред ними будут сплошные мины, – добавляет Юра.

– Ну, на то вы и пластуны, чтобы идти туда, где другие не прошли, – говорит Коровин важно.

– Правильно говоришь, Петя, – поддерживает его урядник Носов.
С ними, старыми, никто не спорит.

На броню вылезает Вася, механик-водитель. Чуть пританцовывая, разминает ноги и кричит сверху:

– Товарищи казаки, кто дополнительную воду брать будет – берите. Транспорт дальше не идёт.

– А чего? – спрашивает у него радиоэлектронщик Жданок.

– Приказ. – Важно поясняет Вася. – Велено мне в резерве быть.

– А боекомплект мы на горбу потащим? – зло спрашивает Юра.

– Товарищ Червоненко, – важно говорит Вася, – боекомплект до места боевых действий доставит вам геройский экипаж второго БТРа нашей сотни, которым командует мой друг, казак Иван Бусыгин. – И уже серьёзно говорит мехвод. – Разбирайте воду и начинайте перегружать боекомплект – приказ Колышева. Скоро пойдете, казаки.

– Ну вот, а вы боялись, что до утра не начнём, – говорит урядник Носов, поднимаясь с пыльного холмика, и кричит. – Четвёртый взвод, давайте, хлопцы, перегрузим боекомплект во второй БТР.

Вот так обычно всё и начинается, казаки стали доставать ящики с патронами и гранатами, таскать их с одного борта на другой, Бусыгин вылез, отворил бронированные двери своего БТРа, помогал ставить, а мимо их колонны всё сновали грузовики, поднимая тучи пыли. Больше никто не разговаривал, начиналось дело.

– Аким, слышишь? – Кто-то из казаков толкает его локтем. – Тебя.

Он, вроде, и не спал, просто, как в другом месте был, вроде бы всё слышал, а вроде бы и не знает, что тут произошло. Озирается по сторонам, а Иван Головин его окликает через гул голосов:

– Слышишь, Аким, так ты согласен или нет?

– Что? – спрашивает Саблин.

– Вот ты чудной человек, – удивляется урядник, – ты что, не слышал, общество тебя выбирает на четвёртый «дюраль». Идёшь охотником в рейд?

– А, так-то конечно, – Аким встает, снимает фуражку, кланяется, – спасибо обществу за доверие. Иду. Конечно, иду.

– А другом кого в лодку себе возьмёшь? – спрашивает есаул.

– Так это всем известно, кого он возьмёт, – кричит Галкин, сосед Акима, казак из первой сотни.

– Ну вот, – говорит Саблин, указывая на Юру, который сидит рядом. – Червоненко себе в «дюраль» беру вторым номером.

– Кто б сомневался, – галдят беззлобно казаки.

– А чего, – как бы оправдывался Аким, – он же минёр хороший.

Тут хохот сотряс чайную, даже Николай Николаевич смеялся, поглаживая усы, и есаул, и подъесаул Щавель – все смеялись. В чайной аж ложки в стаканах дрожали.

И как только хохот начал утихать, кто-то из казаков кричал ему:

– А ты, Аким, здесь плохих минёров видел? Укажи пальцем на того, кто плохой.

– Просто Юрка среди нас лучший, – кричит на всю чайную Бельских, прапорщик из третьей сотни.

– Сядь ты, – шипит на него Юра, дёргая за китель, – не позорь меня, балда.

Снова хохот. Саблин понял свою оплошность, тоже смеялся со всеми. Все, кто тут был, ну, за исключением есаула, пришедшего из линейного казачьего полка, все были пластуны. А пластуны – это те, кто при наступлении идут первыми и снимают мины противника, сбивают турели, затыкают ДОТы и ДЗОТы, а при отступлении идут последними, ставят минные

заграждения, ставят заслоны, засады и секреты. А ещё именно пластунов выдвигают к линии соприкосновения для разведки, и среди них набирают штурмовые отряды. Пластуны – самые сплочённые и умелые штурмовики. Все знают минное дело. Давно так повелось. И любой из пластунов, в том числе и сам Аким, и минёр, и сапёр помимо того, что штурмовик.

Есаул, вытирая глаза от слез, берёт слово:

– Ну, посмешил нас Саблин, молодец, посмешил. – Он потряс кулаком. – Хороший юмор, знаете – это дело нужное. Ну, на том сход считаю законченным, охотники, оставайтесь, все остальные свободны.

Казачки стали расходиться, но многие остались в чайной. Сразу в зале появились официантки, все девки были в юбках выше колен. Чернявые, все поголовно китайки. Стали брать у оставшихся казаков заказы.

Юра наклонился к Акиму и спросил тихо:

– А как ты так спать можешь с открытыми глазами?

– Когда я спал-то? – Не соглашается Аким.

– Да сколько раз такое за тобой замечал, сидит, на тебя смотрит, вроде слушает, даже головой кивает, а сам спит. Потом тебя спросишь, а ты и не помнишь, о чём речь шла.

– Не спал я.

– Да как же не спал, вот только что, урядник тебе говорит, ты на него смотришь, головой киваешь, а не слышишь его. Он тебя три раза звал.

– Задумался просто, вспомнил кое-что.

– Вспоминал! И что ж ты там вспоминал?

– Да что-то припомнилось, как первый раз на аэропорт ходили, – чешет подбородок Аким.

– И на кой чёрт ты это вспоминаешь?

– Да само оно накатывает, иной раз на рыбалке и рыбу подсечь не успеваю.

– Саблин, Червоненко, ну чего вы там сели, идите сюда, – говорит куренной кошевой, – или мне вам потом отдельно всё объяснять?

Казачки встали, пошли за стол ко всем остальным охотникам получать ЦУ.

После за столом остались только те, кто собирался в рейд. Голова рейда, урядник Иван Головин. Его заместитель Бережко, тоже Иван. Саблин и Юра, Анисим Шинкоренко, Фёдор Верёвка, Татаринов Ефим, Кузьмин Василий. Кроме радиста Шинкоренко, снайпера Верёвки и Юрки тут сидели лучшие рыбаки станицы. Акиму, если честно, льстило, что его считают одним из лучших. Хотя он таким себя не считал. Ему не казалось, что он ловит рыбы больше других.

– Так я не понял, – произнёс Юра, – нам что, топлива не дадут?

– Кошевой сказал, что лучшим рыбакам станицы наловить «стекляшек» на топливо не труд. – Ответил Головин.

– Зато патронов дали, сколько хочешь, – заметил снайпер Верёвка.

– Армейских? – Уточнил Аким.

– Да уж, разбежался, – усмехнулся Юра и кивнул на снайпера Верёвку. – Только Фёдору одну коробку двенадцатимиллиметровых армейских дадут. Всё остальное охотничьи, наши со складов.

– За то сорок килограммов тратила. Четыре брикета и восемь взрывателей, – читал по бумажке урядник, – если с первой бомбы бегемота бахнем – остальное поделим.

Казачкам эта мысль понравилась.

– Дальше, со склада получим один костюм химзащиты, на всякий случай, но под отчёт. Ты, Аким, насчёт рыбы самый смыслённый, – опять Аким порадовался про себя, – вы с Юркой будете отвечать за эхолот. Поиском ты, Аким, будешь командовать, ты же двух бегемотов убил.

- Трёх, – поправил Саблин.
- Вот, – урядник поднял палец, – тогда сам Бог тебе велел с эхолотом работать.
- Есть, – говорит Аким.

Они с Юрой приглядываются, довольны.

– Так, – продолжал Головин глядя в бумажку, – ещё нам дадут по «аптечке» на каждую лодку.

- Отлично, – говорит Юра.
- Рано радуешься, всю аптеку дадут под отчёт, если не расходуем – сдаём обратно.
- А вы, что, думали, подарят? – Смеётся Верёвка.

– Вот, выпросил я у кошевого забавную штуку, новая вещь, называется «вибротесак». Только вчера на склад взяли пять единиц. Специально для сапёров разработан. Сапёры из солдат пробовали – вещь удивительная, одним взмахом старый пень от колючки толщиной в ногу как бритвой режет. Кошевой говорит, наши ещё не проверяли, говорит, проверьте в рейде.

– Проверим, – обещает Бережко.

– Вот, в общем, и всё, пойдём на своих «дюралях», сами промеж себя решите, кто на чьей лодке пойдёте, харчи как обычно, на пять дней берём, не больше, авось в болоте с голода не помрём. Идём до деда Сергея, там ночуем и уже оттуда на антенну.

– Так что, завтра уже идём? – Удивился Юра.

– Нет, завтра всё неспеша получим, соберёмся и послезавтра пойдём. – Отвечал голова. – А ты, Аким, сходи в больницу, к Беричу, я с Андрей Семёновичем говорил, он завтра к вечеру Берича будет в кому вводить, до этого поговори с ним, спроси, где и как они на бегемота нарвались. Чтобы долго нам его не искать.

– Есть, – говорит Аким.

Все казаки стали расходиться, Юра и Аким остались посидеть малость. Заказали по чашке кукурузного самогона. Тут он был крепкий, девка-китаянка, коверкая слова, приняла заказ, ушла, покачивая плоским задом под короткой юбкой. Юра смотрел ей в след.

– Чего ты там выглядываешь? – Спросил у него Аким. – Понравилась что ли?

– Да ну, у меня такие же на сушилке, десять штук. Плоские все, она кость, – Юра машет рукой и чуть наклоняется к Саблину, говорит заговорщицки. – Вот Юнь, она хороша.

Девушка, о которой он говорит, стоит за прилавком, она буфетчица, тут за старшую, когда хозяина нет. Юнь высока для китаянок, носит всегда штаны в обтяжку. У неё хороший крепкий зад и на удивление длинные для китаянки ноги, заметна грудь под майкой. Волосы забраны в пучок на затылке, и лицо тонкой азиатской красоты. Она тут уже лет десять работает, говорит без акцента. Умная.

Акиму она тоже нравится, впрочем, она всем нравится. Многие казаки как пропустят пару стопок, идут к прилавку поговорить с ней. Поговорить с ней можно, а договориться нет. Для этого в чайной десяток мелких и неказистых китаянок есть. Нет, и среди них есть ничего себе, интересные, но с Юнь не сравнится никто.

– Да, – соглашается Аким, поглядев на красавицу за прилавком, – хороша.

– Ивлев пьяный был, говорил, что уговорил её, – шепчет Юра.

– Брешет, – не верит Аким.

– Говорит, что за рубль согласилась к нему на выгон приехать на ночь.

– За рубль? – Тут Саблин уже не был так уверен, что Ивлев врёт.

– Может, поговорим с ней, может, согласиться? – Продолжает Червоненко.

Аким смотри на Юру и взгляд его так и говорит: ополоумел ты, Червоненко? Рубль серебра! Да Акиму месяц из болота не вылезать, таскать рыбу с утра до ночи за рубль!

– Так вдвоём рубль предложим, по пол рубля не так жалко, – поясняет Червоненко.

Аким смотрит то на него, то на Юнь, то они оба на неё смотрят. Она ловит их взгляды, улыбается им. Как-то всё неловко выходит.

– Нет, – наконец произносит Саблин, всё это конечно интересно, и деньга у него в заглажке имелась припрятанная, но нет. Дорого, и это ещё не главное, главное – ещё и до Насти могло всё дойти, в станице разве что, от кого-то скроешь? Он даже представить не мог, что бы было? – Нет. Дорого.

– Не боец, – разочарованно говорит Юра и машет на друга рукой, берёт фаянсовую чашку.

– У меня Настя не хуже, – отвечает Аким и тоже берёт свою.

– Это да, с этим не поспоришь, Настя твоя хороша, – соглашается Червоненко, – ну тогда за Настю.

Они чокаются, выпивают и расходятся по домам.

Глава 5

Солнце к земле покатилося, от болота полетела мошка. Аким застегнул пыльник и на «молнию», и на пуговицы, надел очки, плотно затянул капюшон, перчатки натянул. Ни сантиметра кожи этой мерзости оставлять нельзя, изгрызёт, руками от неё не отмашешься – три десятка укусов и отёк. От мошки только КХЗ спасает. А пока края перчаток в рукава, чтобы щелей не было, рукава на шнурках, шнурки затянуть. Отёк – температура, слабость. И всё в рейд другой пойдёт. С мошкой шутки плохи. Да тут, у болот, со всем шутки плохи. Просто он привык к этому всему с детства. Вроде и не страшно жить, если с детства тут живёшь.

Он приехал домой и обрадовался, вспомнил, что Яшку, сына Ивана Зеленчука, на ужин позвал. Он уже пришёл. Не так Настя злиться будет.

Мать Яшки, Мария, баба была справная, как муж Иван погиб, так через шесть месяцев траура старики велели ей замуж идти, казацкому роду не должно быть переводу. Общество дало ей приданое, и муж нашёлся сразу. Максим казак был добрый, вдовый, Аким знал его, он служил в первом взводе его сотни. С Марией у них не сразу, но сложилось, а вот с Яковым у Максима не заладилось. И тут Аким винил не отчима, а самого Яшку. Яков вырос балаболом и бездельником. Вечный участник всяких свар и драк на посиделках, куда заваливался пьяный. Ни в болото ходить, ни в степь на промысел не хотел. Якшался с такими же оболтусами да ещё стал водиться с пришлыми людьми, которые селились в станице и даже с китайцами.

Пока Настя накрывала на стол, Саблин выпроводил с веранды детей, и спросил у Яшки, предлагая ему сигарету:

– Ну что, ходил к Юре? Спрашивал о работе?

– Нет, – отвечает Яшка, прикуривая сигарету.

Аким замер, взгляд суровый, Яков видит это, тут же добавляет:

– Дядь Аким, я к Савченко ходил.

Саблин рот раскрыл от удивления и непонимания, от растерянности даже. На это он никак не рассчитывал, а Яков продолжал:

– Спросил у него, не возьмёт ли меня с собой.

– Ополоумел что ли? – Только и мог спросить Аким, так и не прикурив сигарету.

– А чего? – Ничуть не смущался Яшка. – Дело для общества нужное. Уважаемое.

– И что он тебе сказа? – Продолжал спрашивать Саблин.

– Сказал, возьмёт. – Гордо заявил Яшка.

– Кем? – Едва не крикнул Аким. – Носильщиком.

– Зачем носильщиком, носильщиками у него китайцы, сказал, бойцом возьмёт за честную долю.

– Дурак ты, – только и смог сказать Саблин, хотел плюнуть, да некуда, чисто везде у Насти. Он, наконец, свыкся с мыслью, что Яков пойдёт на юг и прикурил сигарету.

– А чего сразу дурак? – Ничуть не обиделся парень. – Вы же сами по молодости на юг ходили. И ничего, живые возвращались.

Да, так и было, только этот глупый сопляк не знал, сколько не возвращалось из тех, кто ходил с Акимом. И не все они погибали. Тот, кто был ранен и отстал от группы, попадал в плен к переделанным, а это верный шанс угодить в биоцентр на модернизацию. И вскоре уже самому стать таким же переделанным. С каждым разом, что Аким ходил за кордон, охрана кордона становилась всё злее, всё сильнее и искуснее, Саблин даже и представить не мог, каковы они теперь, эти защитники границы. Но Савченко и ему подобные не реестровые казаки, туда всё ещё ходили, и именно они приносили такие ценные ресурсы. Аким сам ходил вместе с Савченко, ещё до того как женился. Олег уже тогда был матерый рейдер, промышлял всем, чем

мог, и медью, и алюминием, даже был он, наверное, лучшим из промысловиков. В станице то точно. Иногда привозил центнеры ценных металлов, столько, что из большой его лодки вытащить их не могли.

– Савченко сказал, что вы с ним до Сургута ходили. – Продолжает Яков. – Говорил, что туда шесть дней на моторах идти.

– А Савченко тебе не сказал, что в Сургут нас двенадцать ушло, а вернулось девять? – Чуть раздражённо отвечал Аким.

– Ну, всякой бывает, в болоте нашем и то люди гибнут.

Вот кто его, сопляка, так отбрёхиваться научил, ведь не в школе же, он в школу после четвёртого класса и не ходил.

– В прошлый раз они сходили на Южную станцию и без боя взяли пятьсот семь килограмм алюминия и сто девять килограмм меди. И ещё всякой всячины. Железо даже брать не стали. – Продолжает Яшка увлечённо. – Пятьсот семь килограмм алюминия это на три лодки хватит. Я бы себе тоже лодку завёл. Как у вас, дядь Аким. А дом у него какой! Вы видели, дядь Аким? И девки у него всё время там живут, живут и замуж не проятся. Он их яблоками кормит и картошкой. И пиво у него есть. Вот вы когда пиво последний раз пили?

Саблин промолчал.

– А квадроцикл на двести киловатт видели, а лодку его? И снаряжение у него лучшее в станице.

Саблин поморщился и сказал:

– Так ты тоже сходи на промысел, вон, люди на Норильск ходят, на Талнах и в горы. Чего ты сразу на юг идёшь?

– У Норильска, дядь Аким, и вокруг него, и гвоздя не найти, там давно всё собрали и уже даже шлак весь перекопали сто раз, делать там нечего. – Уверено говорит Яшка. – Савченко сказал, что только на юге промысел остался. Он на Норильск уже пять лет не ходит.

– А ты заметил, что у Савченко из местных никого в группе не осталось, только пришлые? – Пытается объяснить мальчишке суть дел Саблин. – Каштенков-старший, Лёха-солдат, Ярик – никто с ним больше не ходит.

– Конечно, не ходят, – не соглашается Яшка, – они теперь сами атаманствуют, Ярик вон, самый большой знаток по востоку, он за Енисей два раза до Снежногорска доходил. И Лёха-солдат свою ватагу водит, и Каштенков тоже по Енисею на юг ходит.

– С Савченко много народа ходило, и много сгинуло, а он сам до сих пор жив, – говорит Аким, повышая голос, – понимаешь ты, балда?

Тут на пороге появилась Настя:

– Стол уже накрыла, идите ужинать, казаки.

Мужчины замолкают, тушат сигаретки и идут ужинать. Но Аким видит, что Яшку он ни капли не убедил. Ни на миллиметр не подвинул. Да как его убедишь совами, если за Савченко убеждает двухсоткиловаттный квадроцикл.

Дети любили Яшку. Яшка знал все молодёжные сплетни в станице. Кучу новых словечек, прибауток, модных у детей и подростков поговорок. Юрка, хоть был уже почти взрослым в свои четырнадцать, в чём-то пытался подражать Яшке. Даже вику стал держать также по-дурацки, вот дурень. Непогодам серьёзная Антонина не отрывала от Якова своих серых, серьёзных глаз. Но даже она иной раз смеялась его шуткам. Хоть и пыталась быть серьёзной. Она всегда пыталась быть серьёзной, всё из-за слов Насти, что дур смешливых за муж только китайцы берут. Настя сказала это давно и в шутку, но девочка это запомнила и с тех пор боялась прослыть смешливой дурой. А уж младший сын, Олег, и Наталка от слов Яшки, балагура, закатывались так, что есть забывали. И Наталья, снимая медицинскую маску, начинала кашлять, и, откаш-

лявшись, снова принималась смеяться. И Аким был рад Яше. При нём не стала Настя выяснять, что решил сход.

Настя налила мужу и гостю по рюмке самогона, и Яшка не отвязался. Любил уже это дело, подлец.

Ужин прошёл весело. Когда Яков откланялся, Настя, убирая посуду со стола, сказала:
– Хорошо, что ты его позвал.

Аким не ответил, закурил. Думал, она отстанет, но нет, не такова была его жена, видно, покоя ей не давала неопределённость:

– А чего сидишь, не похващаешься?

– Чего? – Спросил Аким, чувствуя что-то неладное.

– Что, чего? Успел на сход-то?

– Ну, успел.

– Напросился в рейд?

– Да не просился я никуда, общество выбрало.

– Так, конечно, тебя и выбрало, других-то дурней нема.

– Отчего же ты дурнями всех ругаешь, все хотели в рейд идти. Выбрали меня – погордилась бы. Кстати, за бегемота золота обещали пять грамм. Ещё одну панель на крышу поставим.

– И без неё обошлись бы.

– И свинца пять кило, ещё пять прикуплю, и ещё один аккумулятор будет. Сама же говорила, что нужен. На ночь электричества не хватает. Под утро генератор включается.

Она тряпкой стол вытирала, молчала. Но вид у неё недовольный.

– Ну вот, опять недовольна. Вечно одно и то же. – Говорит Аким и повторяет раздосадовано. – Одно и то же.

– Да довольна я, довольна. – Вдруг говорит жена. – Конечно, приятно, когда твоего мужа считают лучшим рыбаком на станице. Просто с войны три месяца как пришло, а через девять опять в призыв уходить. Да каждые два месяца в кордоны, через месяц опять уйдёшь на неделю, это всё по службе. Да ещё и в рейды сам просишься, чего мне радоваться, коли мужу с женой не сидится.

– Сидится мне, сидится. – Уверяет жену Аким, поймал за подол подтянул к себе, по заду поглаживая, обнял:

– Ну чего ты дуркуешь, я ж на пять-шесть дней. А может, и за четыре управимся, если сразу его найдём. Дело-то несложное.

– Несложное? И ещё прошлый раз, когда вы на бегемота ходили, вам бегемот лодку с Яковлевым опрокинул.

– Да брехня, – врёт Аким, – кто тебе это сказал?

– Кто? Да жена его, Анна, он бок распорол, потом неделю лечился. Брехня! – Негодует Настя. – Ещё врёт мне.

Но не вырывается из рук мужа.

– Ну, может быть, я уже и не помню. Такое редко бывает. – Опять врёт он.

Такое случается каждый раз, плоский червь с тупой мордой весит тонну, свиреп, быстр да хитёр. Сначала снизу бьёт в дно «дюраля» в надежде, что из лодки выпадет кто-нибудь. А как никто не падает, так выскакивает из воды на треть туловища и с размаху падает либо на нос, либо на корму, на мотор. Тут только держись, лодка на попа встаёт. Нет, разбить он её не может, дюраль – пеноалюминий, крепок. А вот из лодки вылетишь за милую душу. И если на корму падает, то мотор бьёт в хлам. Выворачивает крепления. Срывает вал, плющит бак, а заодно и компрессор. Бывало, что и винт отлетал от такого удара вместе с электродвигателем.

Но такое он может вытворять только из омутов. На мелководье только пихает лодку из-под воды. Мелководья он не любит, там ему, вроде как, жарко. Пять-шесть метров не его глубина.

– Точно? – Не верит Настя? – Или врешь?

– Да, точно, – врёт Аким, зачем ей знать, что ни разу не было охоты на червя, чтобы он хоть одну лодку не попытался опрокинуть.

Дети уложены, в доме тихо, только шелестят кондиционеры да гудят за стеной тонны свирепой мошки. Настя причесалась у зеркала, сидит, расчёску от волос чистит, рубаха на ней ветхая, старенькая, почти прозрачная от старости. Четырёх детей родила, а всё как девка незамужняя, ни сала лишённого, ни рыхлости в теле.

Ничего такого, а откуда салу взяться, ведь за день не присядет ни разу. Нет, хорошая жена ему досталась. Красавица.

– А ну иди сюда, – зовёт её Аким к себе в кровать.

– Чего? – Делает вид, что не понимает жена.

– Иди, говорю.

– Так скажи, зачем, – улыбается жена.

– Иди, а то за косу приволоку.

– Ну ладно, – она встаёт в своей застиранной ночнушке – красивая. – Чего уж за косы таскать, так пойду.

И лезет к нему на кровать. Сама улыбается. Нет, она не хуже китаянки Юнь, она лучше.

Глава 6

Кладовщику Валько после ранения врачи, как ни старались, здоровье вернуть не смогли. Он получил инвалидность, а от общества хорошее место заместителя куренного кошевого, попросту станичного кладовщика.

Они сели у него на складе, поговорили, посмотрели и он выдал им всё, что было положено, а потом казаки стали с ним вместе читать инструкцию к изделию «Бритва». Вибротесак был тяжёл, состоял из двух тонких, резко зазубренных, сложенных вместе лезвий. Рукоять была широкая и длинная, в ней был дорогой аккумулятор. Вместе с рукоятью длинной он был больше полуметра. Все держали, включали – выключали, слушали, как он удивительно и тяжело гудит при включении. Валько дал им старый, пластиковый ящик из-под гранат. Очень крепкий.

– Режьте, пробуйте.

Юра взял тесак и вырезал из ящика большой кусок, не приложив усилий вообще.

– Вот это штука! – Восхитился он.

И, рубанув по ящику с размаха, разрубил крепкий пластиковый ящик больше, чем наполовину.

– «Заряда аккумулятора хватает на семнадцать секунд непрерывной работы», – читал инструкцию Вилько.

– Наверное, минут, – поправил его Юра.

– Секунд, – настоял кладовщик.

– Эх, а я думал, ерунда какая-то, чего за семнадцать секунд сделать успеешь, – разочарованно сказал Червоненко.

– Так ты что, рогоз им рубить собирался? – Спросил его Головин. – Поиграл игрушкой – дай другим.

Юра передал оружие Аким.

Тесак был тяжёлый, рукоять слишком широка, чтобы быть удобной. Аким нажал кнопку пуска. Тесак сильно дёрнулся в руке, и зубцы лезвий колыхнулись и исчезли, их контуры расплылись, как в дымке. А само оружие мелко-мелко дрожало и тонко жужжало, набрав рабочую частоту. Аким взмахнул тесаком и ударил по ящику, и чуть по ноге себе им не попал, лезвия прошли через пластик, даже не заметив его.

– Тихо вы, демоны, – забурчал Валько, – ещё тут зарежете себя.

– Ишь, ты какой, – восхитился Аким, разглядывая вещицу.

А Головин забрал у него из рук оружие, недовольно говоря:

– Ещё в рейд не ушли, а вы уже ситуации создаёте. Так и до антенны не дойдём.

Другие казаки смеялись. Брали оружие, тоже пробовали его на ящике. В общем, впечатление тесак произвол на всех двоякое. Вроде и хорошо всё режет, но неудобен, тяжёл. Для сапёрной работы может и пригодится, но таскать на себе три кило, которые не работают и минуты, было бессмысленно.

– Ладно, возьмём с собой, проверим, как он в дороге себя поведёт, – прятал тесак в ножны урядник Головин.

– Под отчёт, – напомнил Валько.

– Да ясно, ясно, – за всех отвечал Юра.

Казаки стали собирать полученный боекомплект, короб с эхолотом, аптечки, тротил со взрывателями и всё остальное, грузили это в свой транспорт и прощались с кладовщиком.

– На твоём «дюрале» пойдём? – Спросил Юра.

– Да, – отвечал Аким, когда они приехали на пирсы.
– Моя лодка побольше, – заявил Червоненко.
– На моей мне привычнее будет. – Отвечал Саблин. – Бери, понесли.
Они дотащили взрывчатку, патроны и эхолот.
– Топливо, – напомнил Юра, – надо «стекляшек» натаскать.
– Да не нужно, у меня со вчерашнего дня валяются, на полный бак хватит. Бака нам в два конца хватит.
– Думаешь?
– Хватит-хватит, – заверил Аким, – я ходил до антенны, туда ровно пол бака.
Они перенесли все, что привезли на лодку, и закурили. Внимательно проверили списки. Рейд – дело не шуточное. Ничего, вроде, не забыли.

Сапоги, пыльник и даже КХЗ пришлось снять. Такие были тут правила. Все их знали. Сестра выдала им резиновые тапки, шапочки и халаты, только после этого дежурный фельдшер пустил их внутрь госпиталя. В коридоре бегали маленькие дети, все с медмасками на лицах, но даже с ними им было весело. У окна, сидели два казака из выздоравливающих. Курили. Аким и Юра с ними поздоровались, перекинулись парой слов про здоровье, пошли дальше. Тут же по коридору прогуливались медленно две беременных на последних днях. И только свернув в отделение реанимации, они остались одни. Нашли нужную палату, постучались, открыли дверь.

Берич не казачьего рода был, вообще не из местных, но записался во Второй Пластунский полк охотником, три призыва честно отслужил, после чего просил дозволения зваться казаком. Деды решили, что воевал он хорошо и сам человек честный, и общество дало добро. Теперь он был реестровым казаком-пластуном. Но вот надел, как и всем новичкам, дали на отшибе, у самой степи. Песок и пыль. Плохой надел. И чтобы сводить концы с концами, небогатые казаки ходили за рыбой далеко. И в промысел ходили, на кордоны. Рисковали, а что было делать.

Тихомир Берич с трудом поднял руку, приглашая их войти. Он до пояса, почти до груди, был погружен в ванну, в биораствор. На каждом квадратном сантиметре кожи головы, лица и рук черные точки, а то и по две на сантиметр. Мошка изъела, от укусов кожа отекала, стала синей. Саблин с трудом представлял, как это можно выдержать. Вся левая рука, плечо и даже шея в неглубоких ранах, похожих на ожоги.

– А это что? – Спросил Юра, указывая на левую руку Берича.
– Пиявки, – за того ответил Аким. – Наверное, КХЗ порвал с левой стороны, они и налезли.
– Точно, – хрипло и медленно сказал Тихомир Берич и кивнул. – Пыльник скинул под водой, когда я выплыть хотел, а рукав КХЗ об борт лодки распорол. Потом, – он перевёл дыхание, – лодка потопла со всем снаряжением, Коля тоже не выплыл, так и пришлось сутки по болоту идти, с кочки на кочку. Где вброд, где вплавь.
– Где вы были-то? – Спросил Червоненко.
– Юго-запад от антенны. Сороковой квадрат. – Прохрипел раненый.
– Знаешь те места? – Спросил Юра у Акима.
– Знаю, – отвечал Аким, – был там пару раз. Бывшее русло Турухана, омут на омуте, все омуты по пятнадцать метров глубиной.
– Так, – согласился Берич.
– За налимками ходили?
– И за налимками, и лотос поискали, и щук хороших взяли пару центнеров. За первый день столько взяли, что чуть лодку не потопили. Мы на двух «дюралях» ходили, думали, второй наберём и пойдём обратно.
– Так вы на двух лодках ходили? – Уточнил Саблин. – А чего же ты пешком уходил? Почему, как выплыл, на второй лодке не пошёл.

Берич вздохнул, сглотнул и заговорил:

– Мы поставили палатку на острове с камнем, там и лодку оставили, и рыбу пойманную сложили, а как нас опрокинуло, я, конечно, до острова доплыл, а там ни палатки, ни лодки уже не было. Забрал кто-то.

– А кто же? – Удивился Юра.– Может казаки с других станиц?

– Не может такого быть,– сказал Саблин,– не бывало такого никогда. На наших лодках номер полка, все видят, кто ж у брата воровать будет.

– Не знаю, кто забрал, – отвечал Берич.

Ему всё труднее было говорить. И понимая это, Аким произнёс:

– Ты скажи, Тихомир, бегемот чёрный был или серый, он ещё жир набирать будет или нажрал уже и заляжет в омут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.